

УДК 274/.278(470)-9«1905-1917»

**ПРОТЕСТАНТСКИЕ ТЕЧЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1905–1917 ГОДАХ:
ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ОБЩЕСТВЕННОЙ РОЛИ**

Лашкевич Валерия Максимовна

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
(г. Гомель, Беларусь)

Научный руководитель: **Филипчик Мария Александровна**,
старший преподаватель кафедры философии и специальных исторических
наук Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины

*Статья посвящена анализу эволюции правового статуса и общественной
роли протестантских течений в Российской империи в переломный пе-*

риод 1905–1917 годов. Анализируется дореволюционное законодательство в отношении различных протестантских групп: исторических церквей (лютеран, реформатов, меннонитов) и так называемого «русского протестантизма» (баптистов, евангельских христиан, адвентистов, штундистов). Особое внимание уделяется влиянию Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 года, который легализовал деятельность ранее гонимых общин, способствовал их институциональному оформлению, развитию просвещения и издательского дела. Раскрываются противоречия правительственной политики, сохранение дискриминационных норм в уголовном законодательстве и усиление административного давления в годы Первой мировой войны в связи с антигерманскими настроениями в обществе.

Накануне Первой русской революции положение протестантских общин характеризовалось глубокой внутренней неоднородностью, закрепленной законодательно. Свод законов Российской империи (Том XI, Часть 1: «Уставы духовных дел иностранных исповеданий») устанавливал строгую иерархию религий. На вершине находилось «первенствующее и господствующее» православие, за ним следовали «терпимые» исповедания [1, с. 23]. К числу последних относились исторические протестантские церкви – лютеранская, реформатская и меннонитская, укорененные преимущественно в среде немецких колонистов и населения Прибалтики. Эти конфессии обладали развитой организационной структурой, правом ведения метрических книг, внутреннего самоуправления и легального богослужения. Однако их автономия постепенно ограничивалась в результате политики русификации, усилившейся в конце XIX века.

Совершенно иным было положение так называемого «русского протестантизма» – движений, возникших в среде православного населения под влиянием западных идей. К ним относились баптисты, евангельские христиане, адвентисты седьмого дня, а также штундисты. Эти группы квалифицировались властью и официальной церковью как «особо вредные секты» и подвергались систематическим преследованиям. Ключевым репрессивным актом стало Положение Комитета министров от 4 июля 1894 года, признавшее штундизм «особо вредной» сектой. Документ запрещал молитвенные собрания, предписывал изымать детей из семей сектантов и передавать их православным родственникам или духовенству, ограничивал гражданскую дееспособность и свободу передвижения последователей течения.

Перелом наступил в 1905 году. Манифест 26 февраля 1903 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» впервые на высшем уровне декларировал намерение укрепить начала веротерпимости. Развитием этих обещаний стал Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». Этот акт имел революционное значение. Он отменял правовые ограничения для лиц, переходящих из православия в другое христианское исповедание или вероучение, и легализовал существование ранее гонимых религиозных групп. Указ 1905 года установил в России режим ограниченной свободы вероисповеданий: он гарантировал свободу выбора религии и свободу отправления культа для признанных общин [2, с. 5]. Закон 17 октября 1906 года «О порядке образования и

действия старообрядческих и сектантских общин» закрепил право на официальную регистрацию религиозных объединений, что позволило протестантам выйти из подполья.

Последствия легализации оказались впечатляющими. Русские протестанты восприняли этот период как исторический шанс для институционализации и активизации всех аспектов своей жизни. Началась массовая регистрация общин. Однако достигнутая свобода оставалась хрупкой и ограниченной. Позитивным изменениям противоречила статья 90 Уголовного уложения 1903 года, сохранявшая наказание за «совращение» православных в иную веру. Это создавало правовую двусмысленность, позволявшую местным властям и православному духовенству тормозить реализацию указа 1905 года. Русская православная церковь последовательно игнорировала протестантские инициативы, а в среде самих протестантов нарастали внутренние противоречия [3, с. 167].

Ситуация резко обострилась с началом Первой мировой войны в 1914 году. Антигерманские настроения, охватившие общество и разделяемые правительством, напрямую «ударили» по протестантам, поскольку протестантизм в массовом сознании часто отождествлялся с «немецкой верой». Ожили старые стереотипы о «немецком заговоре» с целью отторжения русских людей от православия. Хотя формально законы 1905–1906 годов не отменялись, административное давление усилилось. Деятельность протестантских общин ограничивалась, проповедники подвергались преследованиям по подозрению в шпионаже или подрыве государственных устоев.

Окончательные изменения принесла Февральская революция 1917 года. Временное правительство своим постановлением от 20 марта 1917 года «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» провозгласило равенство всех религий перед законом, отменив все привилегии православной церкви и дискриминационные ограничения. Для протестантских течений это означало полную и долгожданную эмансипацию. Однако этот период свободы оказался недолгим: уже в 1918 году начались новые гонения, теперь уже со стороны советского государства.

Период 1905–1917 годов стал временем стремительной, но драматичной эволюции для протестантских течений в России. От положения гонимых сект они перешли к состоянию ограниченной легализации, что позволило им создать развитую организационную инфраструктуру, наладить издательскую и образовательную деятельность. Однако эта свобода постоянно оспаривалась консервативными силами и была практически сведена на нет в годы Первой мировой войны. Лишь Февральская революция на короткий срок даровала им подлинное равноправие. Опыт этих лет показал, что правовой статус религиозных меньшинств в империи зависел не только от формального законодательства, но и от политической конъюнктуры и устойчивости имперской модели управления, балансировавшей между интеграцией и подавлением инакомыслия.

Литература

1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. Том одиннадцатый. Часть I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book7372/388211>. – Дата доступа: 31.01.2026.

2. Павлова, О. С. Разработка и обсуждение законопроекта «Об укреплении начал веротерпимости»: к постановке проблемы / О. С. Павлова // Аллея науки. – 2018. – № 3 (19). – С. 338–342.
3. Никольская, Т. Русский протестантизм на этапе утверждения легализации (1905–1917 гг.) / Т. Никольская // Богословские размышления. – 2004. – №4. – С. 161–180.